

В. В. Шилова, Система пространственных моделей элементарных простых предложений в ненецком языке (в сопоставлении тундрового и лесного диалектов с языками других семей). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 2002. 288 с.

17 декабря 2002 г. на заседании диссертационного совета К 003.040.01 при Институте филологии Сибирского отделения РАН состоялась защита диссертации Валентины Владимировны Шиловой по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». Работа В. В. Шиловой выполнена под научным руководством кандидата филологических наук доцента Н. Б. Кошкаревой. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова и кандидат филологических наук Г. Т. Якушко.

Во второй половине XX века заметно возрос интерес лингвистов к построению понятийной картины мира, к логическому анализу языка. Исследованию начали подвергаться многочисленные концепты, такие как *время*, *действие* (ментальное и речевое), *движение*, *пространство*, *судьба* и др., которым в языке соответствуют многочисленные слова, объединяемые в т. н. лексико-семантические поля.

Одной из самых притягательных для лингвистов групп слов в разных языках

мира в течение едва ли не всего прошлого столетия были и остались глаголы движения, которые теснейшим образом связаны с лексикой пространства. Вместе с тем, пространственные отношения могут быть переданы и глаголами других семантических групп, в частности, бытийными (позиционными). Таким образом оказываются тесно связанными между собой глаголы движения, глаголы позиции (иначе бытийные) и концепт пространства, реализуемый на уровне лексики словами со значением местонахождения (локус) и направления.

Изучение лексических групп ведется лингвистами с разных точек зрения — с морфологической, синтаксической, семантической и функциональной. Широкое распространение получило (по крайней мере, в России) изучение функционально-семантических полей, в основе которых лежит определенное понятие и/или грамматическая категория, выражаемые не только грамматически, но и лексически (основным теоретиком данного подхода стал А. В. Бондарко). В последние годы наблюдается перенос интереса лингвистов-теоретиков от опи-

сания языковых явлений к их объяснению. Объяснительную силу лингвистической теории заметно увеличивает функционально-диахроническая перспектива исследования. Примером подобного подхода может служить работа Т. А. Майсака «Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции» (Москва 2002), в которой анализируются конструкции с глаголами движения и типология их грамматикализации. Если в центре внимания Т. А. Майсака стоят глаголы движения и позиции, способные десемантизироваться и грамматикализоваться, то в других работах (напр., Д. С. Ганенков, «Локалистская» гипотеза: наблюдения над эволюцией семантики падежных форм. — Третья зимняя типологическая школа, Москва 2002, с. 132—133) делаются попытки анализа конструкций, описывающих ситуации перемещения и местонахождения, при этом в центр внимания ставятся не глаголы, а существительные. В таком случае используется подход, навеянный известной статьей Ч. Филлмора о падежах (и — шире — о показателях синтаксической зависимости имени, включая также предлоги и послелоги) и связанный с понятием семантической роли участника ситуации.

Уже краткое перечисление возникших в последнее время новых подходов к изучению пространственных отношений и связанных с ними глаголов движения и позиции свидетельствует об интересе лингвистов к этой проблематике, об актуальности темы, выбранной В. В. Шиловой.

Рецензируемое исследование относится к числу работ, появление которых весьма своевременно. Новизна его по сравнению с перечисленными другими подходами заключается в использовании метода моделирования предложений, разработанного в Новосибирской лингвистической школе, и в применении его к описанию двух диалектов ненецкого языка, в котором система синтаксических единиц со значением пространства прежде не описывалась. Вместе с тем в работе имеются точки сближения в методах исследования с мето-

дами функционально-семантических полей и с методикой анализа конструкций, в которых акцентируется внимание на ситуациях местонахождения и перемещения.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, девяти приложений и библиографии (171 название).

Во «Введении» (с. 5—16) после краткой справки о ненцах (в том числе лесных) и их языке автор говорит о цели и задачах работы, о материале и методах, примененных в ней, о теоретических предпосылках работы и ее структуре, об актуальности темы и о новизне исследования. В самом начале (с. 5) В. В. Шилова несколько неосторожно пишет, что «данная работа посвящена моделированию элементарных простых предложений пространственной семантики в ненецком языке» (т. е. построению, созданию их по какому-то образцу — А. К.). Если бы это было так, то была бы необходима проверка, существуют ли подобные предложения реально в ненецком языке. Более адекватно цель формулируется на с. 6 как «выявление и систематизация пространственных моделей в ненецком языке...» (т. е. речь идет о некоторой классификации простых предложений, выражающих пространственные отношения и обнаруженных автором в текстах разных диалектов ненецкого языка). К сожалению, В. В. Шилова нигде не указывает, совпадают ли элементарные простые предложения с пространственной семантикой, записанные ею в полевых условиях и найденные в разных изданных источниках, с моделями-эталоном, отраженными в виде структурных схем, по которым строятся предложения (если «да», то каков процент совпадений); нет ли среди анализируемого материала таких элементарных простых предложений с соответствующей семантикой, которые отсутствуют среди эталонных моделей, и т.д. (автор пишет лишь о том, что ею выявлено 150 в тундровом и 109 в лесном диалекте глаголов, формирующих пространственные конструкции).

Глава I «Теоретические предпосылки построения системы пространственных моделей ненецкого языка» (с.17—

40) содержит описание того, как формировалась теория моделирования предложения. Говоря о семантическом представлении модели, В. В. Шилова использует терминологию, принятую в работах новосибирских лингвистов из сектора языков народов Сибири (М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой и др.). Здесь рассматриваются понятие и типы пропозиций; их структура и варьирование моделей, что раскрывается на примерах из ненецкого языка; оценивается место пространственных моделей в общей системе глагольных и именных моделей и подробно анализируется категория пространственности (локализованности) в языке.

Глава II посвящена «Средствам выражения пространственных отношений в ненецком языке» (с. 41—100). Автор оговаривает причину, в силу которой рассматривает сначала морфологические средства выражения пространственных отношений, а не лексические (да и те только у глаголов), не учитывая при этом, что в результате такого подхода падежи и послелогов как бы парят в воздухе, существуют отдельно от тех семантических групп, с которыми только и возможно употребление глаголов движения и позиции. В данной главе показано, какими конкретно способами выражаются «основные» и «более конкретные» пространственные значения. По наблюдениям В. В. Шиловой, основные пространственные значения (эссивные, директивные и пролативные) передаются падежами, а более узкие, такие как направление внутрь ёмкости, на поверхность чего-либо, местонахождение около чего-либо, реализуются при помощи системы послелогов. В формировании пространственных моделей участвуют именительный, родительный, винительный, дательно-направительный, местно-творительный, отложительный и продольный падежи, выполняющие разные функции. (К сожалению, в разных частях работы автор использует то русские, то латинские наименования падежей).

Дифференцированные пространственные отношения, которые возникают между ориентируемым и ориентиром в

определенной системе координат, выражаются послелогов: серийными (в лесном диалекте их 38), восходящими к именам, и несерийными (их 5 в том же диалекте), связанными по происхождению с наречиями. Десять серий послелогов лесного ненецкого языка, значения которых выстроены в оппозиции (охватывающие, правда, не все послелогов), отражены в удачной табл. 3 на с. 51: верхняя — нижняя поверхность, внешняя — внутренняя часть, ближняя — дальняя сторона, передняя — задняя часть. Послелогов могут сочетаться с существительными и местоимениями. Сравнение послелогов лесного и тундрового диалектов показало, что основные серии послелогов в диалектах совпадают, тогда как несерийные послелогов совпадают лишь частично, иногда с изменением значения (с. 59).

Автор достаточно подробно рассматривает средства выражения пространственных отношений в ненецком языке, но, как уже отмечалось, совершенно игнорирует вопрос о том, к каким семантическим группам слов в языке относятся сами существительные, входящие в конструкции с глаголами движения и бытия, что не менее существенно для предпринятого исследования. Ведь не падеж сам по себе, в отрыве от значения слова, им оформляемого, определяет смысл анализируемых конструкций с глаголами движения, а сочетание глагола с существительным той или иной семантики, с чем связаны и особенности управления. Разумно было бы сначала описать семантические группы существительных (и их конкретные значения), которые входят в конструкции с глаголами движения и бытия / позиции. Тогда В. В. Шилова могла бы точно сказать, возможно ли употребление слов со значением, например, 'посуда', 'части тела', 'осадки' и т.д., с глаголами и движения, и позиции или только с какими-то из них. Иными словами, имеются ли ограничения лексического характера на дистрибуцию глаголов движения и местонахождения.

В той же второй главе автор рассматривает семантику глаголов движения и бытия, достаточно подробно ана-

лизирует *habeo*-конструкции, выделяя семантические компоненты глаголов в них. Приведенные семантические компоненты глаголов движения (их выделено 29, см. с. 71—73) и перемещения (11) хорошо было бы подытожить в таблице, как это сделано для послелогов. Примеры, собранные В. В. Шиловой (в том числе, в полевых условиях, что особенно ценно), замечательны и их много (объем материала — около 4500 примеров), но компоненты, по которым автор их классифицирует, недостаточно четки. Это связано отчасти с тем, что в самодийских языках, как и во многих других, существует множество глаголов, конкретизирующих движение с самых разных, часто неожиданных для носителя индоевропейских языков сторон, что и создает дополнительные трудности при определении релевантных признаков в семантике глагола. Данное явление, позднее опровергнутое лингвистами, Ф. Боас назвал в свое время отсутствием холофразиса и считал характерным признаком индейских языков. В работе автор мало обращает внимания на многозначность глаголов, которую можно выяснить, только определив дистрибуцию глагола и существительного, чем В. В. Шилова пренебрегла.

Глава III «Система пространственных моделей в ненецком языке» (с. 101—233), безусловно, занимает центральное положение в работе и полностью раскрывает заложенное в ее названии содержание. Здесь не только скрупулезно рассматривается система пространственных моделей элементарных простых предложений в обоих диалектах ненецкого языка, но и проводится выборочное сопоставление моделей с аналогичными моделями в трех других языках — хантыйском, шорском и эвенкийском, относящихся к генетически разным семьям. В систему пространственных моделей входят бытийно-локативные модели, охватывающие собственно бытийные, бытийно-перцептивные, локативные подтипы, а также модели обладания, которые тоже сравниваются с таковыми в хантыйском, эвенкийском и шорском языках. Анализируются, кроме того, модели локализуемого движения, ориенти-

рованного относительно статического и динамического пространственного объекта, и модели движения, иерархически включающие в свой состав модели, описывающие путь перемещения (адлокативные, делокативные и транслокативные), и модели движения, ориентированного относительно определенного пространственного объекта. Данная глава чисто описательная. Однако если описание сделано рукой уверенного в своем знании зрелого мастера, то выводы слишком формальны. Автор не стала вникать в морфологию глагола (как в главе II на примере существительных) и пытаться выяснять, есть ли какая-либо корреляция между моделью простого предложения и употреблением в ней глаголов определенного времени, наклонения; нет ли запрещенных в той или иной модели каких-то глагольных форм и т.д., а выяснив подобные закономерности, попробовать объяснить, почему, например, модели движения могут быть многокомпонентными лишь в определенных условиях; чем обусловлена совместимость моделей с инструментом с любой другой моделью движения, и т.д.

Заключение (с. 234—239) дает богатую пищу для размышлений по поводу ненецкого синтаксиса, рассмотренного с принципиально новых позиций. Далеко не о каждом исследовании можно так сказать.

Приложения занимают в работе 247—288 с. Приложение 1 представляет собой грамматические парадигмы ненецкого языка. В Приложении 2 дается список типовых структурных схем пространственных моделей ненецкого языка; Приложение 3, существующее в виде 10-страничной таблицы содержит пространственные глаголы тундрового и лесного диалектов ненецкого языка с указанием, сколько предложений в каждом из них получено в результате статистической обработки текстов, приводимых в Приложениях 8 и 9, а также с названием семантических типов моделей, которые эти глаголы формируют. В Приложение 4 включен список послелогов лесного диалекта с отгlossированными примерами, вряд ли стоило помещать в этот раздел Приложение 5 (Список источни-

ков) — они все есть и в библиографии — и Приложение 7 (Список условных обозначений). Приложение 6 является списком информантов, с которыми работала В. В. Шилова во время своих экспедиций к ненцам. Здесь есть сведения о годах рождения и образовании инфор-

мантов, а также о месте жительства их. Завершают исследование два ненецких текста (Приложение 8 и 9), второй из которых записан автором работы.

Рецензируемая работа дает богатый материал для дальнейших обобщений и размышлений.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)